

Перевод: 'В Микуеве белая росамаха. У Фомы 3 куницы. У Мики 2 куницы. У Фомы в Сохудале (?) куница дара. [У] Вельяказа 4 куницы. На Гугмор-наволоке куница. У Мятешки 2 куницы. У Вельютовых 2 куницы. У Воземута 2 куницы. У Филиппа 2 куницы. У Наместа 2 белки. У Жидилы куница. На Великом Острове куница. У Вихтимаса 2 белки. У Гостицы 2 куницы. У Вельюта 3 куницы. У Лопинкова 6 белок'.

Это роспись пушного оброка. Местность, к которой относится эта грамота, находится в восточном Обонежье (см. Янин 1986: 222 и Попр.–IX).

Отрезок сох^ддаль остается сомнительным.

Графика: 1) ъ → о, исконный ь станд., ѣ → ѣ/ь/и (см. также ниже); 2) ѝ ~ ѝ, ꙗ, а, о, ф. В Матеци буква цц передает [ш'к'] (§ 2.10). В бѣлоки о — либо элемент скандирования, либо отражение вокалического призвука (см. § 2.23). В Воликомо о после в — скорее описка (предвосхищение последующих о?), чем отражение [о]. В 4 кѣницаи конечное аи — видимо, результат исправления кѣница на кѣници (а осталось незачеркнутым). Перед Вѣльяказа, вероятно, пропущен предлог ѝ.

Отражение *ѣ в виде и — только в окончаниях (надежные примеры — ѝ Жидили, ѝ Гостицы, Гѝгморо наволоки, 2 бѣли, 2 бѣлоки), причем в этой же позиции встречается также ѣ (ѝ Фомѣ, Островѣ) и ѣ (Мѣкѣвь, Сохѣдаль [?]). В корнях представлен только ѣ (например, бѣла, 2 бѣли, Намѣста, Вѣльюта). С другой стороны, в одном случае (Мѣкѣвь) ѣ, возможно, стоит вместо и.

Конец слова: Воликомо.

Морфология: (<ѣ) в Р. ед. ѝ Фомѣ (2×), ѝ Жидили, ѝ Гостицы; в Р. ед. ѝ Мики, ѝ Матеци -и тоже скорее из -ѣ, чем из -ы. Отметим Р. ед. дарѝ, М. ед. Воликомо, Р. мн. Вѣльютовыхо, а также двусмысленное 2 кѣници (6×), 3 кѣници (2×).

Колебание 2 бѣли – 2 бѣлоки несколько нарушает основной принцип распределения основ бѣл- и бѣлк-, описанный в Г 54 (ср. правильное б бѣло).

Большой интерес представляет последовательное употребление в грамоте беспредложных локативов: Мѣкѣвь, Гѝгморо наволоки, Воликомо Островѣ; вероятно, сюда же Сохѣдаль. С нашей точки зрения, это не архаизм, а новое явление, возникшее под финно-угорским влиянием (подробнее см. Попр.–IX).

Отметим В. падеж кѣницю в дарѝ кѣницю: он явно вызван подразумеваемым глаголом типа возми. Но, как часто бывает в подобных перечислениях, в том же ряду обнаруживается и несомненный И. падеж: кѣница (2×), бѣла росомѝха.

Г 69. Грамота № 131 (стратигр. [уточн.] 70-е – нач. 80-х гг. XIV в., внестратигр. 60-е – 90-е гг. [предпочт. не позднее 70-х] XIV в.; Нерев. Б)

Внешняя сторона

цто было в пудогѝ прѝзда ту прѝзку сѣргѝѣ взале изо
оатѣ закроу с проста ѝ: а бѝле о русалеѝхо в пудогѣ а цто про самоѝ
зерци хѣдыле есемо не платѝце а платѝце в томо цто про межи раѝ
ду нѣту а нѝне самѣзерци в городѣ говорѣ с нѣми самѣ а ас ти
осподѝне буду а а борзо буду а нѝне есеме к тобѣ рѝвоко послале

Внутренняя сторона

а во шуѣ ни лидѝѣ ни ловоу

В интерпретации этой исключительно трудной грамоты ныне учтены некоторые из новых решений, предложенных в работе Страхов 1995, прежде всего: а) во фразе *изо Олтѣ закрою с проста ѝ*: словоформа *закрою* — это не презенс от *закрыти*, а Р. ед. от *закрои* ‘семга, идущая в реки в начале лета’; б) во фразе *в томо что промежи раду нѣту* отрезок *промежи* следует понимать не как предлог ‘между’, а как два слова: *про межи* ‘про границы [угодий]’. Подробнее см. Попр.–Х.

Наиболее вероятный, по нынешней оценке, вариант перевода: ‘Сколько было в Пудогe празги, ту празгу взял Сергей — просто ранней семгой (букв.: ранней семги) из Ояти. А я был в Пудогe на русальной неделе. А что касается сямозерцев, то я ходил [к ним], так как они [в настоящий момент] не платят, а [вообще] платят (= обязаны платить) потому, что нет договора о границах [угодий]. А теперь сямозерцы в городе (т. е. в Новгороде), говори с ними сам. Я же, господин, буду, я скоро буду. Я тут тебе рыбки (букв.: рыбок) послал. А в Шуе ни людей (?), ни лова’.

Из многочисленных альтернативных вариантов перевода отметим лишь наиболее “конкурентоспособные”. Вместо ‘ту празгу’ возможно понимание ‘тут празгу’. *С проста* можно перевести и как ‘попросту’, ‘просто’, и как ‘сразу же’, ‘без промедления’. Для первой фразы про сямозерцев в Страхов 1995 предложена следующая интерпретация: ‘Относительно сямозерцев: мы ходили (<= ловили на Сямозере?) не платя, а платить (надо) потому, что о межах (угодий) нет уговора’.

Празга — арендная плата за пользование угодыми (ср. № 406, Г 54). Русалии — первая неделя после Троицы (ср. № 389, Г 12). Грамота представляет собой отчет сборщика дани (или приказчика). Отметим отсутствие адресной формулы.

Пудога — ныне город Пудож (в восточном Обонежье). Река Оять — левый приток Свири. Озеро Сямозеро и река Шуя находятся в западном Обонежье.

Графика: 1) $\upsilon \rightarrow o$, $\upsilon \rightarrow e$, $\text{ѣ} = u$; 2) *у/оу* (12/1), *e*, *a*, *o* обычное, *и*. *Ни лидиѣ* — вероятно, описка (предвосхищение *и*) вместо *ни лодиѣ* или *ни лодиѣ* (предположение В. Шмальштага [1982] о том, что *лдиѣ* здесь значит ‘щуки’, маловероятно). Исправленные описки и ошибки: в *а платаци* между *пл* и *а* стоит еще одно *а*, но оно затерто; в *ныне* между *н* и *ы* затерто *и* (ср. *нине* в следующей строке); в *послае e* переделано из другой буквы (возможно, из *a*).

Знак *ѝ*: мы считаем необходимым рассматривать здесь не как обозначение для ‘100000’, а просто как союз *a* (с точками, оформляющими слово, состоящее из одной гласной); см. об этом Попр.–Х.

Смешение *ѣ* и *и* (двустороннее) фактически представлено только в окончаниях; в корнях **ѣ* не встретился. С другой стороны, один раз *ѣ* написан там, где ожидалось бы *e*: *Сѣргѣѣ* (*ѣ* после *с*). Этот пример напоминает написания типа *смѣрти* 690 (с *ѣ* на месте сильного **ѣ*, § 2.27); возможно, имя *Сергии* (из раннего *Серьгии*) примкнуло к данной группе.

Что касается написаний *ныне*, *нине*, то в настоящей грамоте, где нет надежных примеров замены *ѣ* на *e*, между тем как имеется эффект $\upsilon \rightarrow e$, их естественно интерпретировать как <нынь>, <нинь>; ср. однозначное написание *нынь* 697 в грамоте со стандартной графикой.

Два примера смешения *ы* и *и* (двустороннего) — *рибоко* ‘рыбок’ и *хедыле* ‘ходил’ — либо просто ошибки, либо отражают неполную устойчивость противопоставления по твердости–мягкости. В *хедыле хе* (вместо *хо*), по-видимому, отражает диалектную фонетическую особенность, см. § 2.38.

NB: с в *лс ти* 'я же' (оглушение з перед *т*); колебания фонемного состава слова в *ныне – нине* (ср. Г 74), *самозерци – самезерци*. Конец слова: колебание *есеме – есемо* (в версии А.Б.Страхова это не колебание, а разные формы — 1 ед. и 1 мн.), ср. *в томо* в местоимении; см. также выше о *ныне, нине*.

Что касается *празда* и *празка*, то следует согласиться с А. Б. Страховым, что это не результат колебания, а пара, включающая исходное слово *празда* и производное *праз(дъ)ка*. Засвидетельствованное грамотами № 131 и 406 слово *празка* следует рассматривать как прямой предшественник слова *празгá* (с вариантом *бразгá*), отмечаемого начиная с двинских грамот XV в. и сохраняющегося в архангельских и олонечских говорах и поныне. Здесь представлен тот же эффект прогрессивной ассимиляции по звонкости, что при переходе **вожки* в **вожги* (откуда *вожжи, вожди*) и *вожкаться* в *вожгаться* (откуда *вожжаться*), см. § 2.48, замеч. Переход *празка* в *празга* является даже более надежным примером данного эффекта, чем эти два, поскольку здесь прямо засвидетельствована в письменных источниках как ранняя, так и поздняя форма.

Заметим, что единственный известный ныне контекст, где это слово встретилось (*что было в Пудози празда* 131), позволяет предположить в качестве исходной формы как *празда*, так и *праздъ*. Более того, именно версия с *праздъ* (т. е. понимание словоформы *празда* как Р. ед. муж.) дает самую простую синтаксическую интерпретацию всей фразы в целом. Напротив, понимание *празда* как И. ед. жен. (навеянное, конечно, сходством *празда* с *празка*) требует усложненной синтаксической интерпретации данной фразы (с группой подлежащего *что празда* [букв.: 'которая празга'] и не согласованным с ним сказуемым *было* — по модели *а что было шесть ббль моа*, § 4.25).

Разумеется, если суффикс *-ък-а* в *празд-ък-а* — уменьшительный, то исходным должно было быть *празда*, а не *праздъ*. Но суффикс *-ък-а* имеет и ряд других значений, а никакого элемента уменьшительности в значении слова *празка* (*празга*) нет. К сожалению, вопрос о происхождении слова *празда* (или *праздъ*) остается неясным; см. Попр.–Х.

Морфология: *-е* в И. ед. муж. *саме* и в перфектах *взале, быле, хедыле, послале* (в версии А.Б.Страхова *хедыле* — мн. число). Отметим Р. ед. *раду, ловоу, закроу*. Двусмысленны окончания в М. ед. *во Шуѣ*, И. мн. *самезерци*, В. мн. *про самозерци, про межси*.

Слово 'русалии' колебалось: *русалья* (*o*-neutrum) и *русальѣ* (*a*-femininum); в грамоте представлен второй вариант.

О выражении *съ проста* см. № 439 (Б 114), а также Попр.–Х. О значении 'за', 'из-за', которое имеет предлог *въ* в сочетании *платце в томо*, см. § 4.8.

Г 70. Грамоты № 248 и 249 (стратигр. 80-е – 90-е гг. XIV в., внестратигр. 60-е – 90-е гг. [предпочт. не позднее 70-х] XIV в.; Нерев. Е)

Эти две грамоты были найдены вместе. Они написаны одним почерком. Возможно даже, что это части одного большого послания на нескольких листах.

Соотношение стратиграфической и внестратиграфической оценки позволяет предполагать, что писавший был стар.